

С. В. Иванов

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия.
serge0ivanov@gmail.com

ИРЛАНДСКАЯ ИСТОРИЯ XII ВЕКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ВИДЕНИЯ ТНУГДАЛА»

«Видение Тнугдала» — латинский текст, повествующий о хождении по мукам души ирландского воина. До нас дошли две восточнославянские версии «Видения Тнугдала», обе в единственных списках: старобелорусская (рукопись погибла, сохранилась фрагментарная публикация текста) и церковнославянская (рукопись сохранилась), при этом церковнославянская является обработкой старобелорусской. В этой статье рассматриваются отражения сведений об исторических лицах и событиях, а также трансформации текста в восточнославянской передаче.

Ключевые слова: средневековые видения, ирландская история, восточнославянские переводы, «Видение Тнугдала».

S. V. Ivanov

Institute for Linguistic Studies, RAS, St. Petersburg, Russia.
serge0ivanov@gmail.com

Irish history of the 12th century in East Slavic translations of the *Vision of Tnugdalus*

The *Vision of Tnugdalus* is a Latin text relating of an Irish warrior whose soul visits Hell and experiences torments. Two East Slavic versions of the *Vision of Tnugdalus* have come down to us as unique pieces of manuscript tradition. These are an Old Belarusian (manuscript lost, a fragmentary publication exists) and a Church Slavonic (manuscript preserved) versions. This paper considers the text transformations as well as the information on the Irish historical figures and events as reflected in the East Slavic transmission.

Keywords: medieval visions, history of Ireland, East Slavic translations, *Vision of Tnugdalus*.

Хождения по мукам и видения загробных страданий составляют особый чрезвычайно выразительный пласт средневековой литературы. Мучения грешников и, в меньшей степени, блаженства праведников обладают образностью и иконографичностью, которая делает тексты такого рода не только назидательными, но и развлекательными, подобно современным

фильмам ужасов. Одним из самых популярных в Средние века произведений такого рода было «Видение Тнугдала», об обстоятельствах создания которого мы знаем довольно много благодаря предисловию автора. Из него выясняется, что автор — монах по имени Марк — перевел этот текст с ирландского на латынь по просьбе настоятельницы неназванного монастыря. Само видение он датирует 1149 г. и называет ряд исторических событий и лиц, связанных с этим временем. В немецком переводе «Видения», появившемся довольно скоро — в конце XII века, — сообщается, что «монах» (очевидно, Марк) написал текст в Регенсбурге в монастыре святого Павла. В заказнице-аббатиссе, которую Марк называет одним лишь инициалом G, видят Гизелу, настоятельницу того же монастыря святого Павла в неопределенный промежуток времени между 1140 и 1160 гг. (Spilling 1975: 5–30; Picard & Pontfarcy 1989: 12–29).

«Перевод», о котором говорит во вступлении Марк, не следует понимать буквально как перевод письменного текста с одного языка на другой: речь идет, скорее всего, о внутреннем переводе услышанной Марком, по его же словам, от самого Тнугдала истории с ирландского на латынь, то есть просто о ее записи в виде латинского текста (здесь и далее мы пользуемся изданием Pfeil 1999).

История эта повествует о жестоком и бесчинном ирландском рыцаре, который внезапно умирает, и душа его отправляется в сопровождении ангела в загробные странствия. Там она претерпевает адские мытарства, но также становится свидетельницей страданий, ассоциируемых с промежуточным состоянием Чистилища, и наконец видит райские блага. Затем душа возвращается в тело, Тнугдал оживает, рассказывает остальным свое видение и обращается на праведный путь.

Марк не пытается скрыть свою «ирландскость» и даже, кажется, нарочно подчеркивает свое происхождение, уснащая повествование героями ирландского фольклора, ирландскими святыми и королями. Так, между зубами в пасти чудовища, называемого Ахерон, выполняя функцию подпорок, стоят два великана — Фергус и Коналл, то есть Фергус мак Ройх и Коналл Кернах, персонажи множества ирландских саг. В раю Тнугдал встречает святого Руадана и святого Патрика. В манере, перенятой затем Данте, Марк населяет загробный мир историческими лицами, своими покойными современниками. Из духовных лиц поименованы епископ Армы Целестин, его преемник святой Малахия, епископ Лаута Кристиан и епископ

Клойна Неемия. Из светских властителей мы находим Данаха (Доннхад), Конхобера (Конхобар) и Кормаха (Кормак).

Надо полагать, эти имена ничего не говорили континентальной аудитории, оставаясь экзотическими маркерами чужеродности, иностранного происхождения текста. Тем не менее, он получил чрезвычайно широкое распространение по всей Европе и был переведен на множество языков. В этой заметке мы хотим обратить внимание на то, как события ирландской истории, упомянутые в «Видении», отразились в восточнославянских переводах.

Действительно, наряду с переводами на немецкий, французский, итальянский, испанский, окситанский, исландский, с XV века появляются рукописные свидетельства переводов «Видения» на славянские языки. Самая ранняя дошедшая до нас рукопись со славянским текстом — Петрисов сборник — датируется 1468 годом и содержит хорватский перевод «Видения Тнугдала» (Jagić 1914). С восточнославянскими текстами ситуация довольно непростая. Александр Брюкнер в 1891 году привлек внимание к старобелорусскому переводу, дошедшему в единственном списке Варшава, Библиотека Красинских, № 408 (Brückner 1891). В своей статье Брюкнер, к сожалению, опубликовал лишь небольшие фрагменты текста, а в 1944 году рукопись погибла. Рукопись изучал также Карский (1894), датировавший ее серединой — второй пол. XVI в. По причине большого объема богемизмов Брюкнер (Brückner 1891: 209) предположил существование чешского перевода, с которого в свою очередь был сделан перевод на старобелорусский.

На этом цепочка переводов не остановилась, и со старобелорусского, как показала Верхоланцева (Verkholantsev 2008: 62–69), был выполнен перевод на церковнославянский. Этот перевод сохранился в единственном списке, хранящемся ныне в Национальной библиотеке в Варшаве (шифр BOZ 92). Его датировка остается предметом дискуссий, от рубежа XV–XVI вв. до середины XVI в. (Stradomski 2014: 115). Текст был до сих пор не издан, издание подготовлено к печати автором этой статьи. Таким образом, на данный момент мы имеем уникальный церковнославянский текст и фрагменты его старобелорусского источника.

Надо полагать, что в этих переводах «Видение Тнугдала» достигло крайней восточной области своего распространения, и тем более интересно посмотреть, что произошло с конкретными

указаниями на ирландскую историю в столь отдаленной как в пространственном, так и во временном отношении передаче.

В странствии по той части загробного мира, которая уготована душам не вполне благим, не заслужившим пекельных мук, но и не сподобившимся еще райского блаженства, душа Тнугдала замечает там знакомых ему королей Данаха и Конхобера и удивляется, потому что при жизни это были два жестоких правителя, враждовавших друг с другом. Ангел объясняет, что они оба покаяться перед смертью. Кроме того, Конхобер во время болезни принес обет уйти в монастырь, а Данах много лет сидел в оковах и отдал все свое имущество нищим. Сразу же после этого душа Тнугдала приходит в великолепный дворец и видит там на троне короля Кормаха. В тексте особо подчеркивается, что Кормах был господином Тнугдала при жизни. В чистилище он также окружен роскошью, многочисленной свитой, священниками и богатой церковной утварью. Однако каждый день на три часа он, одетый во власяницу, погружается по пояс в огонь. Ниже мы подробнее рассмотрим причины этих наказаний.

Все эти короли были действующими лицами ирландской истории второй четверти XII в. Точнее, даже южноирландской, поскольку речь идет о Мунстере — южном королевстве, которое в 1118 г. было в свою очередь разделено на две части: Десмонд («Южный Мунстер»), власть в котором получил род Мак-Картайг (МакКарти), и Томонд («Северный Мунстер») под управлением рода Уа Бриайн (О'Брайен). Кормак Мак-Картайг, которого видит душа Тнугдала в загробном мире, стал королем Десмонда в 1124 г. и вступил в противостояние с верховным королем Ирландии и королем Коннахта Тойрделбахом Уа Конхобайром (Турлог О'Конор). Однако в результате нескольких неудачных столкновений уже в 1127 г. Кормак был смещен своими вассалами и удалился в монастырь Лисмор. Власть в королевстве Десмонд перешла к его брату и сопернику Доннхаду, которого душа Тнугдала встречает до посещения Кормака. Впрочем, вскоре Кормак вернул себе престол при военной поддержке Конхобара Уа Бриайна (Конора О'Брайена), короля Томонда — того самого «Конхобера», которого вместе с Доннхадом видит Тнугдал. После этого Кормак правил довольно долго, пока в 1138 г. не был вероломно убит Тойрделбахом Уа Бриайном. В 1142 г. сам Конхобар скончался в Килл-Далуа, «после победы покаяния». В том же 1142 г. Доннхад попал в плен, был выдан преемнику Конхобара, Тойрделбаху Уа

Бриайну, и умер у него в заключении спустя два года (Seymour 1924/1927: 89–90; Spilling 1975: 127–128; Picard & Pontfarcy 1989: 30–35). Для обстоятельств написания «Видения» важно еще то обстоятельство, что все эти три короля были занесены в поминальную книгу регенбургского ирландского монастыря; Конхобар поминается на 20 марта как *frater noster*. Кроме того, сохранились известия о поездках ирландских монахов из Регенсбурга на родину за пожертвованиями: первая поездка была совершена к Конхобару Уа Бриайну, а впоследствии аббат Кристиан, происходивший из рода Мак-Картайг, ездил к «королю Донату» (Доннхаду), своему родичу (Flachenecker 1995: 277–281). Таким образом, упоминание королей в «Видении» является не просто данью ирландскому происхождению автора и не только придает достоверности повествованию, но непосредственно связано с жизненными обстоятельствами ирландской монашеской общины Регенсбурга в XII в.

Тем не менее, все эти хитросплетения истории локальных южноирландских междоусобиц начала XII в. и обстоятельства написания текста вряд ли могли быть интересны континентальным читателям и, соответственно, переводчикам. Следствием этого стали упрощения и опущения, затронувшие специфически ирландские детали. Существенные и многочисленные изменения претерпело само имя главного героя; в итоге самым распространенным вариантом стал Тундал (Тондал и т.п.). Имена ирландских королей переименовываются и опускаются, сведения об их прегрешениях и заслугах сокращаются (см. на материале немецких обработок Flachenecker 2000: 108–109). Восточнославянские версии демонстрируют сходные стратегии. О встрече с королями Конхобером и Данахом мы располагаем, к сожалению, только церковнославянским текстом; соответствующая часть старобелорусского источника до нас не дошла. Мы отвлекаемся в данном случае от вопроса про источник старобелорусского перевода и заметим лишь, что он базируется на редакции «Видения», представленной в *Speculum historiale* Винсента Бовэского; подробнее эти вопросы рассматриваются в нашем издании церковнославянского текста. Здесь и далее Б обозначает старобелорусский, Ц – церковнославянский текст.

Ц (с. 283–284)

Идущим нам и видѣхъ душа знаемых жившихъ со мною и дву цареи, ихже по имени знахъ, и вопросихъ ангела: «Что се есть, господи? Сия челоуѣка оба в животѣ своем люта и сверѣпа бѣста. Како сих жилищъ постигоста?» Отвѣща ангель: «Злобъ

своихъ преже смерти // покаяшася, единь бо ею обѣщася от болезни воставъ ити во иноческии чинь, другии же, аще и многа лѣта злѣ поживе, но обаче вся, елика имѣ, расточи нищим и правда его пребудеть в вѣки вѣка. Тъ же вся сия, ихже видѣль еси, да скажеши живущимъ на земли».

Как видим, короли лишились имен, превратившись в обезличенные символы спасительного покаяния. В главе про Кормака, к счастью, сохранилось несколько довольно обширных фрагментов старобелорусского перевода, которые позволяют напрямую сопоставить источник и его церковнославянскую обработку. Прежде всего в данном контексте обращает на себя внимание тот факт, что Б сохраняет имя короля, пусть и в искаженном виде («кромѣрътга»), тогда как Ц в уже знакомой манере заменяет его формулой «царь знаемы ми», ср. выше про Конхобера и Данаха «дву царей, ихже по имени знахъ».

Б
Такъ смотря таоудалюс оузрѣ единь златыи прѣтль, предрагими поставци повлечень, априправлена ѿ всакого найдражашаго каменіа. Анатом прѣтль крал кромѣрътга сѣдел надрагой вдежи, что есть натомто свѣте наидражши.

Ц (с. 284)

И се видехъ престоль златъ пестрыми убрусы поокрове, но и всяческими различаи многоцѣнными украшень. На нем же сѣдѣше царь знаемы ми во одежди многоцѣнной, иже во мирѣ семь надражшая.

Это обстоятельство позволяет предполагать, что имена Конхобера и Данаха также были представлены в старобелорусской версии и выпущены уже при составлении церковнославянской. Однако еще показательнее трансформации, постигшие текст в той части, где душе Тнугдала объясняется, почему Кормак вынужден терпеть муки три часа в день.

Латинский текст (Pfeil 1999: *46)

Ideo ignem patitur usque ad umbilicum. quia legitimi coniugii maculavit sacramentum. et ab umbilico sursum patitur cilicium. quia iussit comitem interficere iuxta sanctum Patricium. et prevaricatus est iusiurandum. Exceptis his duobus; cuncta eius crimina sunt remissa.

В тексте первоначальной латинской редакции сообщается, что Кормак погружен до пупа в огонь из-за осквернения таинства законного брака, а выше пупа носит власяницу, потому что приказал убить одного знатного человека (*comes*, граф) «перед святым Патриком», совершив клятвopеступление.

Отметим также, что «Видение» служит единственным источником относительно упоминаемых в нем грехов короля Кормака. Впрочем, еще Фридель и Майер (Friedel & Meyer 1907: v) предположили, что сообщение анналов под 1136 годом о вероломном убийстве Доннхада, сына Маэлсехлайнна Уа Фаэлайна, совершенном Кормаком, отражает второй грех «Видения». Эта гипотеза повторяется в последующих трудах по предмету, см. Seymour 1924/1927: 88–89; Krebs 1977: 180; Picard & Pontfarcy 1989: 43. Туманным остается выражение «iuxta sanctum Patricium». Сеймур (Seymour 1924/1927: 88) переводил его «by [the church of] St. Patrick» и сопоставлял эту церковь с кафедральным собором Кашеля, столицы Мунстера, поскольку из сообщения о смерти уже упоминавшегося выше регенсбургского аббата Кристиана, умершего вскоре после приезда в Ирландию, следует, что он был похоронен перед алтарем святого Патрика. По мнению Сеймура, в главном алтаре собора хранились мощи святого Патрика, потому и сама церковь была посвящена святому Патрику. Понфарси (Picard & Pontfarcy 1989: 43), отталкиваясь от этого предположения, считает, что под «святым Патриком» подразумевается не сама церковь, а собственно алтарь: то есть убийство было совершено непосредственно в церкви, и это объясняло бы тяжкую кару, которую Кормаку терпит в загробном мире за это преступление. Шарп (Sharpe 2017: 286–287) видит в этом выражении отсылку к «камню Патрика» (Lecá Pátraic) в Кашеле, на котором по преданию Патрик крестил короля Мунстера и который после этого там хранился.

В списке старобелорусской версии текст заканчивался, обрываясь прямо среди фразы, но смысл легко поддается восстановлению в сопоставлении с латинским «Видением»: речь идет о том, что кроме этих двух грехов остальные были Кормаку прощены.

Б

видно крала въ вгни допота аѿ пота аждо горла вжини
вболчена

а жени прото носи ибо есть грабу казалъ забити подле сѣго
патръзна. кромѣ тых дву грехов инїи емѹ [текст обрывается в
рукописи]

В остальном переводчик следует смыслу и букве оригинала; следует обратить лишь внимание на два характерных богемизма: «жени» = чеш. *žíně* ‘власяница, вретисьце’, и «грабу» (им.п. вероятно «граба») = чеш. *hrabie, hrabě* ‘comes, граф’. Эти бже-

мизмы, неверно интерпретированные редактором церковнославянского текста, дали следующий результат:

Ц (с. 285–286)

И в то врѣмя възрѣвъ видѣх царя стояща во огни до пояса и оболчена врѣтищем. И рече ми ангель: «Сию муку на всякий день трѣпить двадесять и три часы, единъ же час токмо опочиваетъ, и того дѣлма во огни страждеть до пояса, яко оскврьни ложе свое, а врѣтище имать на собѣ за нѣкоего раба повеленьного убити имь близ церкви жены ради. Развѣе си дву грѣхо//въ вся ему прощена бысть.

Как мы видим, форма «грабу» была реинтерпретирована как «нѣкоего раба», а форма «жени» дала два продолжения: правильное «вретище», но также «жены». Вероятнее всего, это могло произойти вследствие двойного перевода или глоссирования текста, но в любом случае в конечном итоге текст приобретает совершенно новое прочтение: вместо «графа» король убивает «некоего раба», да еще из-за «жены». Однако нельзя не отметить тот факт, что церковнославянский перевод будто бы согласуется с мнением Сеймура, передавая «подле стго патръзна» как «близ церкви». Тут необходимо напомнить, что список Б не мог быть непосредственным источником церковнославянского перевода, который был очевидно сделан с более исправного протографа. Вероятно, в этом тексте на месте «патръзна» стояла какая-либо форма, которую проще было опознать как имя святого.

Итак, мы видим, что специфически ирландские детали устраняются в церковнославянской обработке, но, с другой стороны, старобелорусский перевод еще их сохраняет. Таким образом, мы имеем возможность наблюдать деятельность редактора и принципы, по которым он трансформирует текст. Однако если такие решения, как элиминирование ничего не говорящих ему и читателям подробностей, представляются вполне ожидаемыми, то вдумчивый подход к правке приводит и к неожиданным умозаключениям, которые оказываются весьма близки к современным гипотезам: исправить «подле стго патръзна» или сходное выражение на «близ церкви» в подобном контексте требует внимательного отношения к тексту, а искажения, проистекающие из непонимания чужеродных вкраплений, являются неизбежными издержками этого процесса.

Литература

- Brückner, A. 1891: Die Visio Tundali in böhmischer und russischer Übersetzung. *Archiv für slavische Philologie* 13, 199–212.
- Flachenecker, H. 1995: *Schottenklöster: irische Benediktinerkonvente im hochmittelalterlichen Deutschland*. Paderborn; München: Schöningh.
- Flachenecker, H. 2000: Hagiographische Werke als Kommunikationshilfen für Fremde. In: *Hagiographie im Kontext. Wirkungsweisen und Möglichkeiten historischer Auswertung*. Hrsg. von Dieter R. Bauer und Klaus Herbers. (Beiträge zur Hagiographie 1) Stuttgart: Franz Steiner, 96–116.
- Friedel, V. H. & Meyer, K. 1907: *La vision de Tondale (Tnudgal). Textes français, anglo-normand et irlandais*. Paris: H. Champion.
- Jagić, V. 1914: Zur Visio Tundali. *Archiv für Slavische Philologie* 35, 501–513.
- Karskij, E. F. 1894: O jazyke tak nazyvaemykh Litovskikh letopisej [On the language of the so called Lithuanian chronicles]. [*Proceedings of the University of Warsaw*] 2, 1–32; 3, 33–64.
- Карский, Е. Ф. 1894: О языке так называемых Литовских летописей. *Варшавские университетские известия* 2, 1–32; 3, 33–64.
- Krebs, R. 1977: Zu den Tundalusvisionen des Marcus und Alber. *Mittellateinisches Jahrbuch* 12, 164–198.
- Pfeil, B. 1999: *Die "Vision des Tnudalus" Albers von Windberg. Literatur- und Frömmigkeitsgeschichte im ausgehenden 12. Jahrhundert. Mit einer Edition der lateinischen "Visio Tnudali" aus Clm 22254*. (Mikrokosmos: Beiträge zur Literaturwissenschaft und Bedeutungsforschung 54.) Frankfurt-am-Main: Peter Lang.
- Picard, J.-M. & Pontfarcy, Y. 1989: *The Vision of Tnudgal*. Dublin: Four Courts Press.
- Seymour, St. J. D. 1924/1927: Studies in the Vision of Tundal. *Proceedings of the Royal Irish Academy: Archaeology, Culture, History, Literature* 37, 87–106.
- Sharpe, R. 2017: Humfrey Wanley, Bishop John O'Brien, and the colophons of Mael Brigte's gospels. *Celtica* 29, 251–292.
- Spilling, H. 1975: *Die Visio Tnudali: Eigenart und Stellung in der mittelalterlichen Visionsliteratur bis zum Ende des 12. Jahrhunderts*. (Münchener Beiträge zur Mediävistik und Renaissance-Forschung 21.) München: Ardeo-Ges.
- Stradomski, J. 2014: *Rękopisy i teksty. Studia nad cerkiewnoślowiąską kulturą literacką Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony Polskiej do końca XVI wieku*. Kraków: Wydawnictwo «scriptum» Tomasz Sekunda.
- Verkholantsev, J. 2008: *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. (Slavische Sprachgeschichte 3.) Wien; Berlin: Lit. 2008.